

Губашиева Елена Мубаридовна, Тхагазитов Юрий Мухамедович

**ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ МИХАИЛА ЛОХВИЦКОГО В РОМАННОЙ ДИЛОГИИ ("ГРОМОВЫЙ ГУЛ", "ПОИСКИ БОГОВ")**

В статье рассматривается творчество адыгского писателя Михаила Лохвицкого (шапсуга), Аджук-Гирея, который вошел в литературу прежде всего как создатель исторического романа. Показано, что наиболее удачным опытом подобного рода и стала диалогия ("Громовый гул", "Поиски богов"), повествующая о покорении Кавказа человеком, для которого эти события - часть собственной, обгащенной кровью предков биографии. Установлено, что романная диалогия писателя пронизана эсхатологическим духом и исследованием самых глубинных противоречий, неразрешимых в истории человечества.

Адрес статьи: [www.gramota.net/materials/2/2016/10-2/4.html](http://www.gramota.net/materials/2/2016/10-2/4.html)

Источник

**Филологические науки. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2016. № 10(64): в 3-х ч. Ч. 2. С. 19-21. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: [www.gramota.net/editions/2.html](http://www.gramota.net/editions/2.html)

Содержание данного номера журнала: [www.gramota.net/materials/2/2016/10-2/](http://www.gramota.net/materials/2/2016/10-2/)

**© Издательство "Грамота"**

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: [www.gramota.net](http://www.gramota.net)  
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: [phi@gramota.net](mailto:phi@gramota.net)

УДК 821.161.1

*В статье рассматривается творчество адыгского писателя Михаила Лохвицкого (шапсуга), Аджук-Гирея, который вошел в литературу прежде всего как создатель исторического романа. Показано, что наиболее удачным опытом подобного рода и стала диалогия («Громовый гул», «Поиски богов»), повествующая о покорении Кавказа человеком, для которого эти события – часть собственной, обгазированной кровью предков биографии. Установлено, что романная диалогия писателя пронизана эсхатологическим духом и исследованием самых глубоких противоречий, неразрешимых в истории человечества.*

*Ключевые слова и фразы:* субстанция духовная и материальная; аутентичность; эсхатология; синтез духа и плоти; эволюционность; культ космической женственности; символ.

**Губашинева Елена Мубаридовна**, к. филол. н., доцент  
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова  
margo\_1919@mail.ru

**Тхагазитов Юрий Мухамедович**, д. филол. н., профессор  
Центр социально-политических исследований  
Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук

### **ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ МИХАИЛА ЛОХВИЦКОГО В РОМАННОЙ ДИЛОГИИ («ГРОМОВЫЙ ГУЛ», «ПОИСКИ БОГОВ»)**

Михаил Лохвицкий известен читателю не только по исторической диалогии «Громовый гул» и «Поиски богов», он автор многих сборников рассказов, романов «Неизвестный», «Выстрел в Метехи», «С солнцем в крови».

Как пишет исследователь творчества писателя Мухамед Хафицэ, «его дед Закир Аджук-Гирей, адыг, черкесс-шапсуг, потерял отца и мать, когда они отстреливались, защищая аул. Дед (ему было 12 лет) был запрятан в кустах вместе со своей 14-летней тетей. Когда аул был взят и сожжен, а русские войска расположились биваком, собаки учуяли деда и его тетку, и дети были извлечены на свет божий. Деда взял к себе денщик поручика Пригара Иван, тетю – кто-то из офицеров. С год дед помогал на кухне, научившись говорить по-русски. Пригара решил усыновить мальчика – горца – Деда крестили в церкви в Туапсе, дали ему имя Захарий, а отчество и фамилию – крестного отца штаб-ротмистра Петра Давыдовича Лохвицкого» [10, с. 513].

Повесть «Громовый гул» посвящается автором деду Аджук-Гирею. Главный герой – разжалованный и сосланный в Сибирь армейский офицер и мелкопоместный дворянин Яков Кайсаров – ведет записи, в которых запечатлены нравы, обычаи, этикет шапсугов, среди которых Кайсарову довелось жить. Повесть написана в форме дневниковых записей молодого русского офицера. «В ее основу легли трагические события, имевшие место в Западной Черкесии в 1863-1864 гг. Окруженные со всех сторон и теснимые русскими войсками, черкесы покидали свои жилища и скапливались на побережье Черного моря в ожидании кораблей. Такова историческая канва повести» [12, с. 506].

Михаил Лохвицкий изучил множество записей русских, турецких, европейских и других авторов, ставших свидетелями ужасов этой депортации. Трупы детей и женщин, стариков, изможденных голодом и болезнями, трупы, полуобъеденные собаками, встречались по пути следования русской армии. Эти зрелища потрясали и очевидцев повести Михаила Лохвицкого (Аджук-Гирея). Страшное поле с многочисленными трупами черкесов открывается и перед глазами героя повести Якова Кайсарова.

В диалогии существует два основных подхода к интерпретации исторических событий – эволюционный научный, когда утверждается бесконечность и непрерывность развития, ненарушимость закона причинности, и прерывистый, когда утверждается преодоление внешнего закона причинности внутренней свободой, а история предстает как цепь различных катастроф и потрясений.

Его представление об истории как о драме, как о борьбе двух противоположных начал – Добра и Зла [3, с. 137]. Эта концепция вряд ли отличается оригинальностью, но, как показывает наше исследование, писателю была близка эсхатологическая вера в невозможность разрешения этого противоречия в рамках земной истории. Зло нельзя изжить, исправить, переделать в Добро, так же как плоть никогда не сможет стать духом.

Самой выдающейся личностью в диалогии является народный певец-ашуг Озермес. Герой диалогии Аджук-Гирей берет из мифологии адыгов силу и смелость. Он, как и все народные сказители, ищет высший смысл жизни, окончательную цель бытия, решает в своих песнях сложнейшие философские проблемы.

Песня для джегуако Озермеса – логический инструмент для разрешения противоречий и существующих онтологических разрывов. Например, противоречия между жизнью и смертью, между верхом и низом, правым и левым в мифе разрешается при помощи медитации. Логика мифа движется к решению задачи примирения исходных противоположностей. Поэтому потребность людей в песнях джегуако так велика. В мифах, как и в песнях народных сказителей, нет тупика, возможно все, даже невозможное, ибо логика мифа – игра – отражение игры мифотворящего воображения, что является высшим инстинктом человека. Именно это и спасает человека от ужаса мирового вакуума и сообщает смысл человеческому существованию. В мифе

полностью изымается реальность. Фигура джегуако замещает нечто, что обладает сверхреальностью сущности, а песни заменяют всю вселенную. Песни джегуако объединяют адыгов как волшебное заклятие сверхчеловеческих сил, смертные и бессмертные смешиваются. Песни народного сказителя объединяли людей в культовое сообщество и указывали на богов и полубогов, обычно ускользающих от человеческого глаза.

В его песнях звучит мысль о том, что высоко в горах, в обители богов, может осуществиться вечная человеческая мечта о единении земного и божественного, плоти и духа.

Для Михаила Лохвицкого была характерна своеобразная схематичная диалектика. Он видел везде и всюду противоположность, выстраивая их умозрительно: тезис – антитезис – синтез. История философии представляла у него как диалектический идеализм: антитезис, синтезом которых должен стать мистический материализм. То же в антропософии и философии культуры: плоть – тезис, дух – антитезис, синтезом должна стать духовная плоть. В философии истории Лохвицкий следовал этим же путем, считая, что грядущий синтез сможет преобразовать двойственность истории, и синтез этот отодвигался на историческое время.

Историческая философия Лохвицкого пронизана эсхатологическим духом, уверенностью, что Зло может победить только на обновленной земле. Окончательное разрешение этого противоречия – последнее соединение духа и человека. Плоть и дух соединяются на земле, есть земное исполнение чаяния людей – жить в вечном союзе плоти и духа, в котором плоть и дух не противостоят бездне тела.

Это не единственная возможная интерпретация схемы Лохвицкого, но самая адекватная, на наш взгляд. Главный герой романа *Озермес* в результате долгих раздумий и поисков приходит к следующим выводам: 1. Бог есть; 2. Бог – творец; 3. Бог создал человека; 4. Связь прервалась, Бог представляет таким образом человеку абсолютную свободу в нравственном выборе между Добром и Злом.

В философии истории Лохвицкий следует этим путем, т.е. в своей схеме писатель не противоречит себе: синтезом становится духовная плоть, которая может преобразовать мир, создать новую землю и новое небо. В грядущем мире должно синтезировать языческое и Злое начало, т.е. Добро и Зло. Именно такое впечатление, может быть, и кощунственно, возникает в процессе данной проблемы в романе М. Лохвицкого. Как же писатель понимает Зло на самом деле? Двойко. С одной стороны, это зверь, который сидит в самом Человеке, Лохвицкий показывал, как он просыпается. «Главным антиподом *Озермеса* является Меджид, которому *Озермес* и Чебахан оказали помощь и приютили у себя. Меджид с раннего детства воспитывался у своего отца-пши, был заражен идеей войны. Он видел в насилии единственный способ утвердиться в мире людей. Его вера – это слепая преданность религии и всему, что “установлено”, всем условностям, принятым у людей. Он не задается вопросами, думая, что владеет ответами, он духовно бездеятелен, в то время как смысл жизни для *Озермеса* в непрерывных поисках, в вопрошании сущего» [Там же, с. 140].

Кроме добрых духов, существовали и злые. *Озермес* с детства знал, что в человеческое жилище часто ночью приходят алмасты – безобразная голая женщина с распущенными волосами, в которые она может обернуться как платьем. В давние времена алмасты была женщиной, но она в чем-то провинилась перед Тха, и он проклял ее, превратив ее в жалкое существо. *Озермес* и его красавица – жена Чебахан – не сомневались, что в жизни существуют удды – высохшая, беззубая, сгорбленная старуха, наделенная волшебной силой. Она могла нагнать бурю, дождь, заколдовать человека, обратиться в осла или лошадь, а сама, превратившись в кошку, может высосать кровь из человека. «Один раз в году, обычно весной удды собираются ночью на вершине высокой горы и хвастаются своими злыми делами, потом они едят, пьют, пляшут, а на рассвете разлетаются по миру...», – пишет Аджук-Гирей в своем романе [1, с. 33].

Сначала джегуако соединяет все правды: языческую, магометанскую и христианскую. В этом соединении он видел истинную правду. Но в конце романа джегуако понимает, что такое соединение невозможно. Герою романа нужно было пройти через эту ложь до конца, таков путь джегуако. И все следы этой развоенности не покидают *Озермеса* до самых последних минут, пока он не покидает горы и лес и не спустится к мертвому аулу. Джегуако мечтает возродить сожженный русскими солдатами аул во имя новой жизни. В горах он снова приобрел цельность, которую утратил, овладел всеми тайнами поэзии и музыки, он восхищается не богами, а живыми людьми, которым так нужны песни джегуако: «*Озермес* подумал, что он и Чебахан идут теперь к тому общему со своим народом, затянутому туманом неизвестности будущему, которого у них не было с того дня, как они покинули погибший аул» [Там же, с. 254].

«Человек, родившись и обретя душу, должен быть сам себе и конем, и всадником, и верующим, и Тха. Каждый должен верить в то, что он не исчезнет бесследно, ибо жизнь человека продолжается и в потомках, и в тех зверях, птицах, деревьях, в которых появляется его душа, после того, как он завершит свой трудный, извилистый путь» [Там же, с. 255].

Грядущий синтез между плотью и духом не завершен у писателя, и это не вписывается в схему М. Лохвицкого (Боги: и мусульманский, и христианский, – утратили связь с людьми). Зло мешает такому синтезу. Подобное прочтение романа более аутентично. Лохвицкий отнюдь не считал предрешенной победу Добра над Злом в земной истории, более того, он понимает о неудаче Добра в истории. Исход борьбы зависит от решения принципиального вопроса: является ли Зло таким внутренне необходимым моментом мироздания, как Добро? Субстанционально ли Зло? От ответа на этот вопрос и зависит возможность преодоления и уничтожения Зла в мире, если Зло лишь недостаток Добра. К такой точке зрения был близок писатель в мечтах о совершенстве мира. Но если Зло субстанционально, коренится в самом фундаменте бытия, земная история не может завершиться полной победой одной из сил. И хотя Лохвицкий был полон апокалиптических предчувствий, он дает человечеству шанс. По его мнению, человечество может спастись, но не религией

и не революцией. Он не утверждал, что человечество не имеет исторического будущего. Будущее зависело от выбора, которое сделает человечество (по мнению писателя), останется ли оно той духовной силой, которая может спасти историю. Новое дыхание, обретавшееся человечеством в истории, дает человеческое творчество, которое должно стать не только священным, но и принятым внутри религии.

Спускаясь с историософских высот, Михаил Лохвицкий рисовал и более конкретные рецепты для осуществления своей идеи: обращение к вере, к соединению творческих традиций с религиозными традициями и верованиями народа. В результате разъединения этих традиций, считал Лохвицкий, народ оказался пораженным самодержавием, оказался сразу между двумя гнетами.

Обозначим следующие выводы:

1. Неразрешимое противоречие земного и небесного, плотского и духовного – таков предел христианства и мусульманства, – утверждал М. Лохвицкий.
2. С точки зрения Михаила Лохвицкого, существует два основных подхода к интерпретации исторических событий – эволюционный научный, когда утверждается бесконечность и непрерывность развития, ненарушимость закона причинности и прерывистости, когда утверждается преодоление внешнего закона причинности внутреннею свободою, а история предстает как цепь различных катастроф и потрясений.
3. Для Михаила Лохвицкого была характерна своеобразная схематичная диалектика. Он всюду видел противоположности, которые выстраивал чисто внешне, словесно в схемы «тезис – антитезис – синтез».
4. Роман-диалогия М. Лохвицкого был пронизан эсхатологическим духом, уверенностью, что Зло не может быть побеждено на старой, необновленной земле.
5. Михаил Лохвицкий отнюдь не считал предрешенной победу Добра над Злом в земной истории.
6. В творчестве Михаила Лохвицкого самым удивительным образом сочетались ощущение обреченности исторического пути человечества и надежда.
7. Михаилу Лохвицкому был свойственен культ космической женственности, его героиня Чебахан тождественна героине Адиух из нартского эпоса.
8. Все исторические произведения Михаила Лохвицкого – это размышления не столько о прошлом, сколько о будущем.

#### *Список литературы*

1. **Аджук-Гирей (М. Лохвицкий)**. Поиски богов: роман. Тбилиси: Мерани, 1991. 256 с.
2. **Бахтин М. М.** Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1955. 504 с.
3. **Безирганова И.** Путь на Ошхамахо (Послесловие) // Лохвицкий (Аджук-Гирей) Михаил. Громовый гул: историческая повесть. Тбилиси: Меридиани, 2010. С. 137-148.
4. **Кауфов Х.** В зеркале социальной жизни: статьи, очерки, литературные портреты, эссе. Нальчик: Эльбрус, 1980. 255 с.
5. **Курашинов Б.** Добро пожаловать: литература, культура, фольклор. Нальчик: Эльбрус, 1991. 375 с.
6. **Лохвицкий М.** Громовый гул: повесть. Поиски богов: роман / предисл. М. Хафицэ. Нальчик: Эль-Фа, 1994. 429 с.
7. **Лохвицкий М.** Завещание Аджук-Гирей // Нарт. 1993. 15 февраля.
8. **Лохвицкий М.** Проза разных лет: в 2-х кн. Роман. Повести. Рассказы. Тбилиси: Мерани, 1984. Кн. 2. Неизвестный. Час сенокоса. Громовый гул. 534 с.
9. **Лохвицкий М. Ю. (Аджук-Гирей)**. Адыгская (черкесская) энциклопедия / гл. ред. М. А. Кумахов. М.: Фонд им Б. Х. Акбашева, 2006. 999 с.
10. **Хафицэ М.** Из писем М. Лохвицкого. Нальчик: ООО «Тетраграф», 2013. 526 с.
11. **Хафицэ М.** К 60-летию М. Ю. Лохвицкого. Нальчик: ООО «Тетраграф», 2013. 526 с.
12. **Хафицэ М.** Честь дороже жизни. Нальчик: ООО «Тетраграф», 2013. 526 с.

#### **PHILOSOPHICAL AND HISTORICAL CONCEPTION BY MIKHAIL LOKHVITSKII IN THE NOVEL-DIALOGY (“THUNDEROUS BOOM”, “SEARCH FOR THE GODS”)**

**Gubashieva Elena Mubaridovna**, Ph. D. in Philology, Associate Professor  
*Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov*  
*margo\_1919@mail.ru*

**Tkhagazitov Yurii Mukhamedovich**, Doctor in Philology, Professor  
*Center of Social-Political Researches of Kabardino-Balkaria Scientific*  
*Center of the Russian Academy of Sciences*

The article examines the creative work of the Adyghean writer Mikhail Lokhvitskii (Shapsug), Adzhuk-Girej, who left a mark in literature first of all as a historical novel creator. The most successful experience of such type a novel, according to the authors, is the dilogy (“Thunderous Boom”, “Search for the Gods”) describing the conquest of the Caucasus by a human for whom these events are a part of his own biography stained with ancestors’ blood. The paper identifies that the novel-dilogy is imbued with eschatological spirit and tends to explore the deeper contradictions insoluble in the history of mankind.

*Key words and phrases:* spiritual and material substance; authenticity; eschatology; synthesis of spirit and flesh; evolutionary nature; cult of cosmic femininity; symbol.